DOI 10.69571/SSPU.2025.99.6.005
УДК 332.83:94(47+57)»19» (045)
ББК 63.3(2)61–2

И.В. ЗЫКИН

ЛЕСНЫЕ ПОСЕЛКИ В ГОДЫ ПЕРВЫХ СОВЕТСКИХ ПЯТИЛЕТОК

I.V. ZYKIN

FOREST VILLAGES DURING THE FIRST SOVIET FIVE-YEAR PLANS

Целью статьи является исследование планов и практик строительства лесных поселков в годы первых советских пятилеток. Под лесными поселками подразумеваются населенные пункты, жители которых заняты преимущественно заготовкой и транспортировкой древесины. Актуальность работы обусловлена формированием крупной поселенческой сети в силу занятости в сфере заготовки древесины большого числа постоянных и сезонных рабочих, заключенных и разных категорий спецпереселенцев; развитием деревянного домостроения; исчезновением части лесных поселков и разрушением застройки в последние десятилетия. Источниковой основой исследования стали архивные документы, материалы отраслевых газет, журналов и книг. При разработке планов индустриализации лесной отрасли власти, ориентируясь на зарубежный опыт, поставили задачу создания постоянных кадров лесных рабочих. Ее решение происходило в контексте индустриализации страны, реформы лесного хозяйства и лесной промышленности, увеличения плановых заданий, образования Народного комиссариата лесной промышленности СССР, коллективизации, «раскулачивания», репрессий. В силу добровольно-принудительного характера формирования кадрового потенциала лесной промышленности, нехватки финансовых и материальных ресурсов, удаленности лесных поселков от городов и транспортных путей основным способом решения жилищной проблемы стало строительство бараков. В третьей пятилетке жилищную проблему в сфере заготовки древесины удалось в основном решить. Это позволило хозяйственным организациям уделять больше внимания созданию комфортных условий проживания. В строительстве лесных поселков социальные трансформации также отразились. Относительно высокое качество отдельных поселений, кварталов, зданий служило инструментом поощрения передовиков и пропаганды достижений советской власти. Большинство людей сталкивалось в повседневной жизни с материально-бытовыми трудностями, вызванными нехваткой ресурсов, неудовлетворительным снабжением, обслуживанием, устойчивыми представлениями хозяйственников о сохранении сезонного характера лесозаготовок.

The purpose of the article is to study the plans and practices of the construction of forest settlements during the first Soviet five-year plans. Forest settlements are settlements whose inhabitants are mainly engaged in harvesting and transporting timber. The relevance of the work is due to the formation of a large settlement network due to the employment of a large number of permanent and seasonal workers, prisoners and various categories of special settlers in the field of timber harvesting; the development of wooden housing construction; the disappearance of some forest settlements and the destruction of buildings in recent decades. The research was based on archival documents, materials from industry newspapers, magazines and books. When developing plans for the industrialization of the forest industry, the authorities, focusing on foreign experience, set the task of creating permanent staff of forest workers. Its decision took place in the context of the industrialization of the country, the reform of forestry and the forest industry, the increase in planned tasks, the formation of the People's Commissariat of the Forest Industry of the USSR, collectivization, «dispossession», and repression. Due to the voluntary and compulsory nature of the formation of the personnel potential of the forestry industry, the lack of financial and material resources, the remoteness of forest settlements from cities and

transport routes, the construction of barracks has become the main way to solve the housing problem. In the third five-year plan, the housing problem in the field of timber harvesting was largely solved. This allowed business organizations to pay more attention to creating comfortable living conditions. Social transformations have also been reflected in the construction of forest settlements. The relatively high quality of individual settlements, neighborhoods, and buildings served as a tool to encourage leaders and promote the achievements of Soviet power. Most people faced material and household difficulties in their daily lives caused by a lack of resources, unsatisfactory supplies, maintenance, and the stable ideas of business managers about maintaining the seasonal nature of logging.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: индустриализация, первые пятилетки, лесозаготовки, Народный комиссариат лесной промышленности, лесные поселки, бараки

KEY WORDS: industrialization, the first five-year plans, logging, People's Commissariat of the Forest Industry, forest settlements, barracks

ВВЕДЕНИЕ. Изучение планирования и строительства лесных поселков в Советском Союзе в годы первых пятилеток (конец 1920-х — начало 1940-х гг.) актуально по нескольким причинам. Во-первых, в лесном хозяйстве и лесной промышленности было занято в этот период 1,5–2 млн человек (с учетом сезонности, обусловливавшей масштабы лесозаготовок). Большинство проживало в сельских населенных пунктах с числом жителей до 1000 человек и преимущественно в регионах, где активизировалось освоение лесных ресурсов (Европейский Север, Волго-Вятский регион, Урал, Сибирь и Дальний Восток). В отрасли были заняты постоянные и сезонные рабочие, использовался труд заключенных и спецпереселенцев. В связи с этим имело место разное (как правило, негативное) отношение хозяйственников к строительству жилья, социально-бытовых объектов и дорог и, как следствие, низкое качество инфраструктуры в целом, стремление решить жилищный вопрос за счет сооружения бараков.

Во-вторых, большинство строений в лесных поселках было в деревянном исполнении, и опыт советского деревянного домостроения заслуживает внимательного изучения. До сих пор в обществе имеет место отношение к деревянным многоквартирным домам, как к временному явлению, от которого следует быстрее избавиться. На практике временные здания — это одноэтажные бараки, землянки, самострой (хотя люди проживают до сих пор в некоторых бараках). Остальные деревянные дома (двух— и четырехквартирные, двухэтажные 8- и 12-квартирные, индивидуальные) целесообразно считать капитальными строениями, хотя их износ также весьма высокий.

Отсюда вытекает третья причина актуальности исследования. В связи с исчезновением части лесных поселков[1], разрушением деревянной застройки остается мало времени для проведения полевых исследований и фиксации внешнего вида и планировок строений.

ЦЕЛЬ. Итак, речь идет о сложном объекте изучения, поскольку поселенческая сеть лесной промышленности включала поселки для постоянных и сезонных рабочих, разных категорий спецпереселенцев и заключенных и охватывала большинство лесных районов страны. Она относится к дисперсному типу расселения, тяготеет к лесным базам, речным и железнодорожным путям.

Выявлено, что в административно-территориальных единицах, где заготовка, вывозка и сплав древесины активизировались (в первую очередь, на Европейском Севере, Урале, в Волго-Вятском регионе, Сибири и на Дальнем Востоке), строительство лесных поселков (в том числе для размещения контингентов спецпереселенцев и заключенных) стало важным фактором развития поселенческой сети. Хотя опубликованных сведений по данному

[1] Основной причиной сокращения числа жителей в лесных поселках и последующей ликвидации их являлось завершение разработки лесных массивов. На современном этапе на это повлияли закрытие леспромхозов, модернизация и институциональные преобразования в лесной отрасли (впрочем, в силу организационно-экономических факторов старая сеть лесных поселков была «сломана» во многих странах лесного пояса) [1, с. 91, 101].

вопросу немного[2]. В частности, в автономной Карельской республике в начале 1934 г. среди 2742 сельских населенных пунктов выделялась группа из 202 лесозаготовительных поселков [2, с. 2–3]. В Пермской области в 1939 г. из 103 трудпоселков лесопромышленным организациям было подведомственно 54 со средней людностью 609 человек [42, с. 377–382]. На севере Свердловской области в 1939 г. из 1023 сельских населенных пунктов насчитывалось 265 лесных поселков [28, с. 83, 87]. В той же области в 1941 г. из 181 трудпоселка 66 относились к лесопромышленным организациям (со средней людностью 441 человек) [27, с. 203–206].

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Разработка программы жилищного строительства велась в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. как на уровне государства (см., напр.: [14; 31; 38]), так и отдельных отраслей (применительно к лесной промышленности отметим работы К.И. Альбрехта [4] и С. Богословского [6]). Исследователи советского жилищного строительства периода первых пятилеток фокусировались как на достижениях, так и негативных чертах, уделяя внимание качеству строительства, обслуживанию зданий, обеспеченности граждан жилой площадью [19; 20; 24; 29; 30; 46; 48].

Вопросы жилищного строительства в лесной промышленности изучались поверхностно, в контексте социально-экономического развития отрасли. Присутствовали как положительные, так и отрицательные оценки. В последние годы Е.В. Воейковым [12], И.В. Зыкиным [21, с. 281–334], Т.А. Никитиной и Ю.А. Барашковым [32] опубликован ряд исследований, в которых предпринят комплексный анализ решения жилищной проблемы. Обстоятельные работы о строительстве спецпоселков (лесная промышленность стала одной главных отраслей направления спецпереселенцев из числа «раскулаченных» крестьян) подготовлены Н.М. Игнатовой — о Коми автономной области [23], Л.Н. Мазур — об Урале [27]. Современный этап отмечен также публикацией исследований о «деревянном конструктивизме» на Советском Севере (Архангельск, Игарка), об архитекторах, работавших в данном стиле, и их оригинальных проектах [3; 8].

Источниковой основой исследования стали архивные материалы (делопроизводственная документация Наркомлеса СССР и Наркомлеса РСФСР, «Гипролесхима», «Сиблестреста»), публикации в отраслевых газетах («Лесная промышленность», «Правда Севера», «Тихоокеанская звезда»), журналах («Лесное хозяйство», «Лесовод», «Стахановец лесной промышленности»), книгах.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Главной особенностью лесозаготовок являлось преобладание сезонных рабочих, занятых с поздней осени до весны, для которых не требовалось создавать постоянной жилищно-бытовой инфраструктуры. Основными типами построек являлись шалаши, землянки, курные избы, то есть постройки временного действия, лишенные элементов обустройства. Такой способ размещения трудившихся существовал на протяжении многих десятилетий, и только в конце 1920-х гг., в связи с разработкой и началом реализации плана индустриализации, необходимость улучшения жилищных условий лесных рабочих нашла отражение в нормативных правовых актах высших органов власти. Были поставлены задачи создания постоянных кадров и обеспечения их приемлемыми для длительного проживания жилищами. Это стимулировало хозяйственные органы к изучению зарубежного опыта и разработке проектов зданий.

Опыт Германии в решении проблемы дефицита кадров в лесном хозяйстве стал реакцией на необходимость увеличения производительности лесов вследствие дефицита и больших объемов импорта древесины, развития техники. Это требовало более высокой квалификации работников, сокращения удельного веса сезонного, в том числе женского и детского, труда. На рубеже XIX–XX вв. государством, предпринимателями и специалистами лесной отрасли

[2] Как правило, в публикациях трудно разграничить сельские населенные пункты по основным подотраслям лесной промышленности: заготовка, вывозка и сплав древесины, лесопильно-деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная. В связи с этим указано общее число спецпоселков, подведомственным лесопромышленным организациям.

была осознана перспектива создания постоянных кадров, обладавших также лесохозяйственными компетенциями (умения подготовить инструменты к работе, разделывать стволы на сортименты, не допуская гибели подроста). Решение этой задачи лимитировалось уходом многих рабочих на промышленные предприятия, где заработная плата была выше [6, с. 20–22].

В Пруссии с 1870-х гг. практиковалась сдача в аренду (сначала краткосрочную, с 1889 г.— на шесть лет) лесным рабочим участков пашни и лугов в государственных лесах. Арендаторы (к 1907 г. удалось привлечь 15900 человек) должны были осуществлять лесокультурные и лесозаготовительные работы, получая зарплату и имея ряд льгот (например, отпуск дров по сниженным ценам). Эффект от этой меры лимитировался отсутствием на участках жилищ. Данная проблема решалась посредством кредитования рабочих (при этом размер и срок аренды участков увеличивались) и строительством домов Лесным управлением. За 1893–1908 гг. по первому способу удалось возвести 142 дома, по второму — 810 (на 1702 квартиры) [6, с. 26–27]. Эффективность капиталовложений складывалась из возведения поселков, а не одиноко стоящих домов, с социальной инфраструктурой. В перспективе это облегчало борьбу с лесными пожарами, повышало качество лесокультурных и лесозаготовительных работ. В США на лесозаготовках практиковались два основных способа размещения рабочих: в районах железных дорог — в переносных домах, в других местностях — в бараках [13, с. 77].

В Советском Союзе, согласно постановлению ЦИК и СНК СССР от 2 ноября 1927 г. «Об условиях труда на лесозаготовительных и сплавных работах», хозяйственным организациям вменялось в обязанность обеспечить рабочих жильем в случаях, когда место работы находилось за 6 км от населенных пунктов или когда не было возможности размещения людей в них. Далее, 22 марта 1928 г. Народный комиссариат труда издал «Временные правила о жилищных условиях на лесозаготовительных и сплавных работах». Этим документом устанавливались: размер площади на одного рабочего — не менее 3 м^2, высота жилых помещений — не менее 2 м, деревянный пол на подкладках, окна с двойными рамами, печи с дымовыми трубами, помещения для просушки одежды и другие элементы обустройства. Из расчета на 50 рабочих должна была строиться баня.

Примерами хорошо обустроенных жилищ являлись шестистенные общежития для постоянных рабочих Карельской центральной опытной станции, возведенные в 1927/1928 г. Здания включали по два жилых помещения с торцов (в каждом размещались по 25–30 человек) и кухню в середине [4, с. 46–47]. То есть в конце 1920-х гг. рабочие, занятые в сфере заготовки древесины, должны были проживать в относительно качественном временном жилье.

Начало индустриализации, реформа лесного хозяйства и лесной промышленности, увеличение плановых заданий, рост потребности в рабочей силе, «раскулачивание» стимулировали на рубеже 1920–1930-х гг. поиск властями и хозяйственными организациями наиболее оптимальных и недорогих решений жилищного вопроса на лесозаготовках.

Так, трест «Дальлес» объявил конкурс на лучший проект бревенчатого общежития для 50–60 человек, которое должно было иметь максимум полезной площади и соответствовать санитарно-гигиеническим требованиям (приоритет отдавался проектам, где использовались древесные отходы и бракованная продукция) [33]. При таких параметрах дома не могли обеспечить комфортное пребывание рабочих, и срок эксплуатации зданий был крайне мал.

Для рабочих, занятых на сплаве древесины, начальникам сплавных районов разрешалось строить утепленные и неутепленные (в случае проведения работ сроком до одного месяца) бараки из расчета одно строение на 100 рабочих. Они могли быть рубленые, каркасно-стоечной системы, разборные или постоянные. В бараках устраивались спальня, умывальная комната, сушилка, сени. Деревянные полы, потолки, крыши должны были обеспечить сохранение тепла, защиту от дождей. В неутепленных бараках устраивались печи временного типа, в утепленных — печи большей теплоемкости для поддержания температуры в среднем 16 °С.

В одном помещении барака могли проживать не более 25 человек — из расчета 3 м^2 площади (без печей) и высоты 2,5 и 2,8 м (соответственно в неутепленных и утепленных зданиях)

на каждого. Рабочим предоставлялось отдельное спальное место: топчан или койка. Устраивались окна с форточками или фрамугами для вентиляции (рис. 1). В бараках или рядом с ними устраивались умывальники, сушилки, уборные, столовые с красными уголками, бани [15, л. 103–108]. Помещения освещались лампами и/или естественным светом. В суровых климатических условиях северных и восточных районов страны это могло негативно отразиться на быте и отдыхе рабочих.

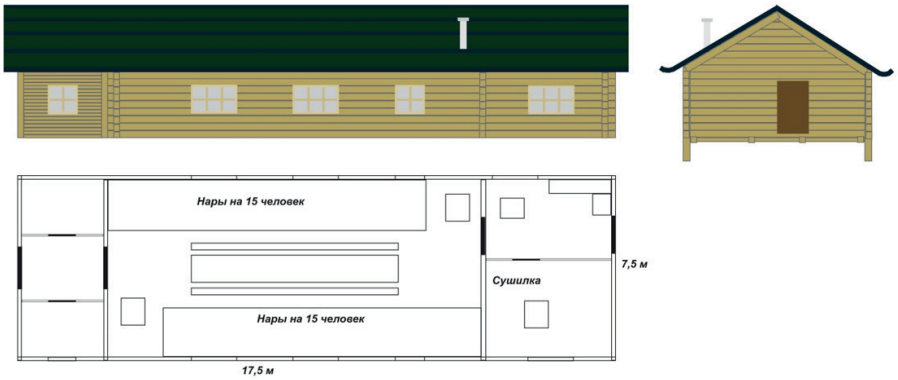

Рис. 1. **Проект типового бревенчатого барака для лесозаготовителей «Сибкрайлестреста». Нарисовано автором с кальки. Источник: [15, л. 32].**

Другим способом решения жилищной проблемы стало проектирование разборных бараков, рассчитанных на легкую и быструю переброску (на нескольких подводах или лодках) и сборку (в течение одного дня), на долгий срок службы благодаря использованию стандартных деталей, изготовленных на заводах или в мастерских. Такие бараки могли перебрасываться на новые места в течение сезона (после завершения разработки лесного участка) или года (с лесозаготовок на сплав и обратно). Размеры здания вместимостью 12 человек определялись 7 х 7 м с высотой потолков 2,25 м. Конструирование здания выявило оптимальные размеры щита — длина 2 м, ширина 71,12 см. Щиты для стен составлялись из двух рядов досок 6,35 см, по четыре доски 17,78 см в ряду с изоляционной прокладкой из толя, картона или бересты; щиты пола и потолка — из досок 6,35 см, по четыре в ряду; щиты крыши — из досок 1,27 см в два ряда; щиты нар — из досок 2,54 см в один ряд; подшивка — из досок 1,27 см; брусья — 17,78 х 17,78 см; балки — 7,62 х 17,78 см [37].

В Советском Союзе опыт западных стран (прежде всего, Германии и США) был принят во внимание, но его реализация — в силу значительных малонаселенных территорий и стремления властей в короткий срок увеличить заготовку и вывозку леса — протекала в добровольно-принудительном порядке. В связи этим важно понять, что кроется за количественными и качественными показателями жилищного строительства, позициями властей, прессы, хозяйственных организаций и жильцов.

Темпы жилищного строительства в лесной промышленности зависели от выделявшихся средств и деятельности трестов и предприятий, наличия материальных и трудовых ресурсов, мероприятий по кредитованию индивидуального жилищного строительства. Решения партийно-государственных органов, междуведомственные соглашения касались крупных лесозаготовителей (например, постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об улучшении работы лесозаготовительной промышленности СССР» от 15 ноября 1938 г.), в них формулировались общие принципы обслуживания лесных поселков [40, с. 326, 328; 45, с. 90].

На примере автономной Карельской республики, где планировалось существенно увеличить размеры лесозаготовок, хорошо видно, что проблема обеспечения работников приемлемым жилищными условиями стояла остро весь период первых пятилеток. В сезон 1929/1930 г.

трестом «Кареллес» были построены 794 и отремонтированы 527 бараков вместимостью 28,3 тыс. человек, 45 пекарен, 33 красных уголка, 110 бань, 107 контор, 118 складов, 7 кузниц, 188 конюшен. Сезоном позже были построены 495 и отремонтированы 1142 барака вместимостью 46 тыс. человек, 39 столовых, 72 пекарни, 163 бани, 20 медпунктов, 97 кухонь, 140 контор, 197 кладовых, 51 кузница, 90 конюшен [40, с. 215]. Бараки из-за некачественного строительства и материалов, размещения на заболоченных участках в течение нескольких лет становились непригодными для проживания. Иностранные рабочие, прибывавшие в Карелию в первой половине 1930-х гг., в том числе для труда в лесной промышленности, испытывали «шок» от предоставленных жилищно-бытовых условий. В одну комнату барака (без удобств, мебели и плохо приспособленного к зимним условиям) могли заселять по 5–6 человек, по несколько семей. Лучше были жилищные условия в г. Петрозаводске и в поселках, где переселенцы возводили индивидуальное жилье [43, с. 46].

Другой стороной жилищного строительства стало появление поселков для постоянных работников. В Матросском механизированном лесопункте был возведен один из первых таких поселков: дома с отдельными квартирами с электроснабжением, магазины, столовые, начальная школа, ясли, клуб. Хорошо обустроенными поселками являлись также Интернациональный (Пряжа), Софьянга, Вилга [44, с. 448]. К концу второй пятилетки тресты «Южкареллес» и «Севкареллес», обладая жилыми помещениями площадью 110 тыс. м^2, не могли обеспечить постоянных рабочих в количестве 11600, тогда как для круглогодичной работы требовалось 38 тыс. человек [26, с. 71].

За отчетными цифрами жилищного и социально-бытового строительства (рис. 2) скрывалось неполное освоение трестами и предприятиями выделявшихся средств из-за недостатка материальных ресурсов и рабочей силы. В этих условиях постоянные кадры, в том числе с опытом работы в лесу 2–3 года, начинали увольняться [35].

Рис. 2. **Жилой дом лесорубов в Холмогорском районе (Северный край). Фото М. Альперта. Источник: [41, с. 34].**

Примеров того, что качество новых домов было низким, большое количество. Хозяйственники могли заставить строителей исправить недоделки, а могли — по результатам проверок — понести наказание. В тресте «Кирлес» специальная комиссия, обследовав спустя пять месяцев после сдачи большой деревянный дом, установила, что он нуждается в капитальном ремонте. Управляющий треста Кудрин премировал бригаду, бригадира, производителя работ, наблюдателя, кассира и счетовода на сумму 2000 руб. Тогда как дом оказался непригоден для проживания [34].

Переданных в феврале 1937 г. тресту «Дальлес» 5000 семей промпереселенцев сначала разместили в неприспособленных для проживания помещениях. Управляющий трестом А.И. Третюхин, назначенный на должность в этот период, предпринял меры по предостав-

лению промпереселенцам более качественного жилья, чем избежал наказания [10, с. 5]. Напротив, руководителям треста «Томлес» и Тимирязевского мехлесопункта, в 1936 г. пренебрегшим предоставлением промпереселенцам удовлетворительного жилья, повезло меньше. Заместитель управляющего трестом Малиновский, начальник мехлесопункта Салихов и заведующий кадрами предприятия Бриллианщиков были сняты с работы. Жалоба промпереселенцев рассматривалась больше года (или, что более вероятно, затерялась в кабинетах народного комиссариата), и наказание последовало только в августе 1937 г. [9, с. 2].

По воспоминаниям В.К. Бушманова, возглавлявшего в 1930-х гг. Чердынский районный партийный комитет на Урале, зимой 1932/1933 г. на лесозаготовках «курные» бараки были заменены «новыми» бараками (с большими окнами, настланными полами, печами с дымоходами, топчанами). Он назвал их «дворцами» [7, с. 122–124]. Более того, авторы сборника «Хозяйственное и культурное строительство на Урале» отмечали достижение в 1933 г. в Уральской области «полной обеспеченности рабочих в лесу приспособленными бараками со специальными помещениями для еды и для сушки одежды», повсеместное наличие столовых, бань, организацию медпомощи [47, с. 103]. Если учесть, что имелись в виду постоянные рабочие, то констатация решения жилищно-бытовой проблемы не свидетельствует о качестве жилищного фонда. Основную часть работников составляли спецпереселенцы и сезонники, и удовлетворить в жилье эту группу трудившихся было куда сложнее.

Значимым фактором формирования отраслевой поселенческой сети стало направление в лесную промышленность — в первую очередь в периферийные районы Европейского Севера, Урала и Сибири — значительной части спецпереселенцев из числа «раскулаченных» крестьян в 1930–1931 гг. Стихийный характер спецпереселения, когда многие новые поселки возникли вдали от транспортных путей, был созвучен подвижности сети лесозаготовительных поселков, функционировавших в период освоения лесной базы. При этом задачи изоляции и приобщения спецпереселенцев к труду в интересах социалистического строительства дополнялись стремлением властей и хозяйственных организаций переложить на людей часть работ по обустройству в новых районах.

Лесные поселки представляли собой несколько бараков с домом коменданта и складскими помещения (сверху такое поселение имело вид прямоугольника посреди лесного массива) или имели уличную планировку, где преобладали избы на две семьи («зырянского» типа), бани, хлебопекарни, фельдшерско-акушерский пункт и культурно-просветительские учреждения (рис. 3) [27, с. 195]. Специалисты треста «Комилес» подготовили проекты жилых (4-квартирный и 12-комнатный дома, барак на 8 семейств) и административных зданий для застройки спецпоселков. На практике в первую очередь сооружались бараки, бани, магазины и здания почты [22, с. 120].

Рис. 3. **Двухквартирный дом спецпереселенцев в п. Косолманка (Свердловская область). 2011 г. Источник: фото автора.**

В начале 1930-х гг. процент выполнения планов жилищного строительства в разных районах страны был низким [25, с. 119, 128, 138, 156, 212–214, 724; 42, с. 176, 396]. Из-за удаленности многих спецпоселков от транспортных магистралей, рабочих поселков и городов, ошибок в выборе места размещения, низкого качества строительства, продовольственного и медицинского обслуживания, смертности и бегства части спецпереселенцев произошла ликвидация некоторых населенных пунктов [22, с. 125–126; 25, с. 735].

В строительстве лесных поселков отразились также социальные трансформации. Относительно высокое качество отдельных поселений, кварталов или зданий служило инструментом поощрения передовиков и пропаганды достижений советской власти. Напротив, в повседневной жизни большинство людей сталкивалось с материально-бытовыми трудностями, вызванными нехваткой ресурсов, неудовлетворительным снабжением, обслуживанием, представлениями хозяйственников о сохранении сезонного характера лесозаготовок.

В Северном крае на фоне развития механизации, соцсоревнования, формирования постоянных кадров директорам леспромхозов и лестранхозов накануне сезона 1934/1935 г. было предложено выстроить культурно-бытовое обслуживание в соответствии со следующими приоритетами: передовикам, особенно в мехлесопунктах, создать лучшие условия; семейных рабочих обеспечить отдельными квартирами и комнатами с мебелью, одиночек — общежитиями и отдельными комнатами [36, с. 22–23].

Одной из стимулирующих стахановское движение мер (а затем и одним из требований со стороны передовиков) являлось получение отдельных квартир, в том числе обставленных мебелью, и других значимых материальных поощрений. К примеру, согласно типовому проекту № 065 и смете, утвержденной приказом по Наркомлесу СССР от 28 мая 1936 г., деревянный рубленый 2-квартирный дом для инженерно-технических работников и рабочих-стахановцев имел полезную площадь 93,9 м^2, стоимость его строительства составляла 10 тыс. руб. Дом сооружался на каменном фундаменте, стены утеплялись и пропитывались олифой. Квартиры оснащались печным отоплением, электрифицировались [39].

К примеру, рулевой Бобруйской сплавной конторы А.Г. Давидан за 2–3-кратное перевыполнение норм, успехи на сплаве в 1936 г. был премирован от треста «Лесбел» домом на 3 комнаты [18]. Бригада сплавщиков Новгород-Северского участка (трест «Днепролесосплав»), оказавшая в 1936 г. помощь рабочим треста «Калининлес», была шокирована условиями их жизни и потому решила рассказать о своей ситуации. Постоянные кадры проживали в индивидуальных домах, но в общежитиях и теплых будках на плотах были кровати и постельные принадлежности. В помещениях имелись игры и музыкальные инструменты, библиотеки и кинопередвижки. Время от прибытия на пункт назначения древесины до обратной дороги сплавщики проводили в доме отдыха. Руководство треста выдало кадровым рабочим в 1937 г. стройматериалы, поросят, телят, коров, патефоны и радиоустановки [49].

В третьей пятилетке проблема обеспечения рабочих, занятых в сфере заготовки древесины, была в основном решена. Это позволило хозяйственным организациям уделять больше внимания созданию комфортных условий проживания [12, с. 77, 80]. Создание лесных поселков в лесных массивах северных и восточных районов способствовало осуществлению индустриальных преобразований, формированию постоянных кадров лесных рабочих. В то же время из-за низкого качества строительства, освоения новых лесных участков перед хозяйственными организациями в начале каждого сезона вставала задача поддержания объектов инфраструктуры в приемлемом для проживания и пользования состоянии.

Освоение лесных массивов в восточных районах страны, где возможности использования труда колхозников и спецпереселенцев были существенно меньше, чем в Европейской части и на Урале, побудило хозяйственников и ученых искать новые способы решения жилищной проблемы. Это было актуально для привлечения и удержания постоянных кадров и промпереселенцев и свидетельствовало о новом витке дискуссии о преимуществах индивидуальных, сборных домов и вахтовых поселков по сравнению с бараком «с одной чугунной печью

на несколько семей и с миллионами клопов» или «с отдельными комнатами, при общей кухне, при грязи в общем коридоре, отсутствии кладовых для продуктов» [11]. Важны были также возможности ведения огорода и наличия подвала для овощей.

Руководство Охотничьего механизированного лесопункта (трест «Востсиблес») в 1937 г. помимо бараков возвело — в порядке эксперимента — 37 небольших домиков площадью по 20 м^2 каждый. Стоимость домика равнялась 750 руб., и это позволяло практиковать его продажу в рассрочку на несколько месяцев. Выяснилось, что на сумму в 23 тыс. руб., равную стоимости 12-квартирного барака, можно построить 30 маленьких домиков. Большинство промпереселенцев осталось в поселке предприятия, начало обзаводиться скотом, раскорчевывать площадки под огороды, сооружать хозяйственные постройки [11].

В конце 1930-х гг. в связи с актуальностью развития производства древесных плит и необходимостью обоснования получения капитальных вложений специалисты института «Гипролесхим» подготовили проект поселка для лесорубов (рис. 4). Поселок включал разборные домики на 20 человек каждый и передвижные (на санях или колесах) на пять человек каждый. Преимуществом таких поселков была экономичность за счет изготовления типовых щитов, удобства транспортировки и быстроты сборки. Это позволяло наладить поставки древесных плит в армию для сооружения полевых и лагерных строений [17, л. 10].

Рис. 4. **Лесной поселок из 10 сборных древоплитных домов, четырех передвижных спаренных и двух одинарных передвижных домиков (с указанием момента передвижки одного домика трактором). Источник: [17, л. 7]**

Поэтому актуальным инструментом решения жилищной проблемы являлось кредитование индивидуального жилищного строительства. В частности, народные комиссариаты финансов и лесной промышленности СССР разрешили весной 1934 г. продавать спецпереселенцам дома в спецпоселках, построенные за счет специальных ассигнований, со скидкой от 20 до 50% с оценки по балансу на 1 января 1934 г. с рассрочкой на три года. Если спецпереселенец восстанавливался в правах и покидал поселок, приобретенные им дом, квартира продавались хозяйственной организации. Сумма, выплаченная банку, возвращалась. Предусматривалась возможность «свободной» продажи помещений. Механизм по продаже спецпереселенцам жилья не получил распространения, прежде по причине недостатка у них финансовых средств [5, с. 141–142].

В начале 1941 г. по лесозаготовительным предприятиям Наркомлеса РСФСР на одного рабочего приходилось в среднем 7,7 м^2 — относительно хороший показатель в условиях планов ведомства по увеличению числа постоянных рабочих (с 54 тыс. до 64 тыс. к 1 января 1942 г., или до 65,6% к среднегодовой потребности). 11,52 тыс. рабочих проживали в собственных домах, и предполагалось, что в 1941 г. 2600 человек построят жилье. Народный комиссар В.Я. Колданов предлагал выделить средства на вербовку и для кредитования рабочих на индивидуальное жилищное строительство и приобретение скота (из расчета на одного рабочего соответственно 3491 и 1200 руб.) [16, л. 1–2, 4, 6–8].

ВЫВОДЫ. В годы первых советских пятилеток ставка на создание стационарных поселков обусловливалась не только финансовым фактором. Реформой лесного хозяйства и лесной

промышленности на рубеже 1920–1930-х гг. было положено начало масштабному освоению лесных ресурсов (в первую очередь, в северных и восточных районах страны) и созданию специализированных предприятий — лесопромышленных хозяйств (леспромхозов), которые во многих периферийных территориях стали градообразующими (границы леспромхозов часто совпадали с границами административно-территориальных единиц — районов).

В социальном плане лесные поселки становились культурными очагами (в том числе в деле перевоспитания сосланных граждан). Расселение семьями, проведение партийно-массовой работы, тяжелый труд, развитие соцсоревнования потребовали создания социальной инфраструктуры: школ, медицинских пунктов, яслей и детских садов, клубов и бань. В этом отношении лесной поселок можно рассматривать в качестве периферийного (хотя деревянное строительство не следует отождествлять с примитивностью) варианта социалистического города. Проекты и практики хозяйственников и ученых по строительству вахтовых поселков и индивидуальных домов для рабочих свидетельствовали о поиске альтернативных и более выгодных способов закрепления рабочих в отдаленных районах лесозаготовок. Однако эти инициативы носили локальный характер и не смогли переломить тенденцию барачного строительства.

В связи с незначительным финансированием жилищного строительства, организационно-экономическими трудностями освоения выделявшихся средств и возведения построек, использованием принудительного труда заключенных и спецпереселенцев реализация этих правил становилась все чаще исключением, а качество жилья было низким.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверкиева К.В. Постсоветская трансформация лесных поселков на севере Нечерноземья // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 3. С. 90–110.
2. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика. Ежегодник 1932–1933. Петрозаводск: Союзоргучет, 1934. 212 с.
3. Акишева В.Д. Деревянные сооружения «русского авангарда» в архитектуре Архангельска // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5. С. 314.
4. Альбрехт К.И. Рационализация и механизация лесозаготовок / под общ. ред. Н.Г. Смидовича. М.; Л.: Новая деревня, 1929. 326 с.
5. Бердинских В.А., Бердинских И.В., Веремьев В.И. Система спецпоселений в Советском Союзе 1930–1950-х годов / науч. ред. И.Л. Жеребцов. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2015. 244 с.
6. Богословский С. Проблема труда в лесном хозяйстве // Лесное хозяйство. 1929. № 7. С. 18–32.
7. Бушманов В.К. Испытание временем. Пермь: Книжное изд-во, 1981. 157 с.
8. Бухарова Е.А., Нендза-Щикониовска К. Игарка Ивана Леонидова — архитектурный эксперимент 1920-х (город-линия) и предощущение планетарного мифа 1950-х (город Солнца) // Баландинские чтения. 2015. Т. 10, № 2. С. 116–124.
9. Бюллетень Народного комиссариата лесной промышленности СССР. 1937. № 26. 8 с.
10. Бюллетень Народного комиссариата лесной промышленности СССР. 1937. № 27. 8 с.
11. Валкин Н.К. Как мы строим дома в лесу // Стахановец лесной промышленности. 1937. № 9. С. 15.
12. Воейков Е.В. Жилищная проблема на лесозаготовках национальных республик Поволжья в годы предвоенной индустриализации // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 69–81.
13. Гербек Г.Г. Лесная промышленность С.-А. С. Ш. М.; Л.: Государственное научно-техническое изд-во, 1931. 151 с.
14. Гинзбург М.Я. Жилище. Опыт пятилетней работы над проблемой жилища. М.: Госстройиздат, 1934. 191 с.
15. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1042. Оп. 1. Д. 2.
16. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-259. Оп. 38. Д. 538.
17. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5446. Оп. 23. Д. 1303.

18. Давидан А.Г. Темпов не сдадим // Стахановец лесной промышленности. 1937. № 1. С. 4–5.
19. Дементьев Д.А. Опыт проектирования деревянного жилья в СССР // Наука, образование и экспериментальное проектирование. 2021. С. 326–331.
20. Жилище в России: век XX. Архитектура и социальная история / ред.-сост. У. Брумфилд, Б. Рубл. М.: Три квадрата, 2002. 192 с.
21. Зыкин И.В. Социокультурный облик работников лесопромышленного комплекса Советского Союза в конце 1929 г. — первой половине 1941 г. М.: Новый Хронограф, 2022. 432 с.
22. Игнатова Н.М., Обедков А.П., Вишнякова Д.В., Силин В.И., Лыткина У.В. Формирование и развитие системы расселения в Республике Коми в конце XVIII — начале XXI в.: историко-демографические и историко-географические исследования Российского Севера: научная монография. Вып. 2. Сыктывкар: ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, 2024. 234 с.
23. Игнатова Н.М. Спец(труд)поселки как населенные пункты в 1930-е годы (на материалах Республики Коми) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». 2023. № 7 (65). С. 52–60.
24. Исаев В.И. Быт рабочих Сибири. 1926–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1988. 241 с.
25. История сталинского Гулага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание док. в 7-ми томах. Т. 5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. 824 с.
26. Килин Ю.М. Пограничная окраина великой державы: Советская Карелия в 1923–1938 гг. Электронное издание. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012. 143 с.
27. Мазур Л.Н. Край ссылки: особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург: Изд-во Уральского государственного университета, 2002. С. 176–208.
28. Мазур Л.Н. Север Свердловской области в XX веке: модели развития системы расселения // Материалы Первой региональной краеведческой научно-практической конференции «Походяшинские чтения». Екатеринбург, 2005. С. 72–89.
29. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 303 с.
30. Меерович М., Булгакова Е. Бараки как наиболее массовый тип жилищ в советских индустриальных городах-новостройках первых пятилеток // Проект Байкал. 2019. № 60. С. 76–89.
31. Милютин Н.А. Проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест ССС Р. М.; Л.: Государственное изд-во, 1930. 82 с.
32. Никитина Т.А., Барашков Ю.А. Жилищный кризис на Архангельском Севере на примере Мезенских лесозаводов (1920–1937 гг.) // Жилищные стратегии. 2018. Т. 5, № 1. С. 65–78.
33. Объявление // Тихоокеанская звезда. 1930, 18 января. С. 4.
34. Попов К. В новом доме Кирлеса // Лесная промышленность. 1935, 9 августа. С. 3.
35. Постоянные кадры лесных рабочих // Правда Севера. 1937, 2 августа. С. 1.
36. Резолюции совещания директоров леспромхозов и лестрансхозов Северного края 1–5 августа 1934 года. Архангельск: Издание Уполнаркомлеса, 1934. 26 с.
37. Росляков Взамен лесной избушки — переносной барак // Лесовод. 1929. № 10–11. С. 48–49.
38. Сабсович Л.М. Социалистические города. М.: Московский рабочий, 1930. 124 с.
39. Смета по укрупненным измерителям на рабочую силу и материалы на постройку деревянного рубленого 2-квартирного дома для ИТР и рабочих стахановцев, согласно типового проекта № 065. М.: [Б. и.], 1936. 6 с.
40. Советская лесная экономика. Москва-Север. 1917–1941 гг.: Сб. док. и мат. / сост. В.Г. Макуров, А.Т. Филатова. Петрозаводск: [Б. и.], 2005. 442 с.
41. СССР на стройке. 1931. № 6.
42. Суслов А.Б. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 424 с.

43. Такала И. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии: Сб. науч. стат. и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / сост. и науч. ред. И.Р. Такала, А.В. Голубев. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 32–51.
44. Филимончик С.Н. Строительная отрасль Карелии в период форсированной индустриализации // Сибирские строители: события и судьбы: Сб. ст. всероссийской науч. конф. Курган: Курганский Дом печати, 2017. С. 442–454.
45. Флейшиц Е.А. Правовая организация лесной промышленности Союза СС Р. Л.: Гослестехиздат, 1936. 99 с.
46. Хмельницкий Д. Здоровье барачного города // Проект Байкал. 2019. № 60. С. 70–75.
47. Хозяйственное и культурное строительство на Урале. Свердловск: Издание Уралплана, 1934. 209 с.
48. Яхкинд С.И. Нормы для жилища периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов // Academia. Архитектура и строительство. 2024. № 3. С. 26–36.
49. Ященко Г.Е. Заботиться о кадрах // Стахановец лесной промышленности. 1937. № 2. С. 42.

REFERENCES

1. Averkieva K.V. *Postsovetskaja transformacija lesnyh poselkov na severe Nechernozem'ja* [Post-Soviet transformation of forest settlements in the north of the Non-Chernozem region] // Krest'janovedenie. 2021. T. 6, № 3. S. 90–110. (In Russian).
2. *Avtonomnaja Karel'skaja Socialisticheskaja Sovetskaja Respublika. Ezhegodnik 1932–1933* [Autonomous Karelian Socialist Soviet Republic. The Yearbook 1932–1933]. Petrozavodsk: Sojuzorguchet, 1934. 212 s. (In Russian).
3. Akisheva V.D. *Derevjannye sooruzhenija «russkogo avangarda» v arhitekture Arhangel'ska* [Wooden structures of the «Russian avant-garde» in the architecture of Arkhangelsk] // Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik. 2018. № 5. S. 314. (In Russian).
4. Al'breht K.I. *Racionalizacija i mehanizacija lesozagotovok* / pod obsch. red. N.G. Smidovicha [Rationalization and mechanization of logging. Smidovich N.G., ed].Moscow; Leningrad: Novaja derevnja, 1929. 326 s. (In Russian).
5. Berdinskikh V.A., Berdinskikh I.V., Verem'ev V.I. *Sistema specposeleniy v Sovetskom Sojuze 1930–1950-kh godov* / nauch. red. I.L. Zherebcov [The system of special settlements in the Soviet Union of the 1930s and 1950s. Zherebcov I.L., ed.]. Syktyvkar: IJALI Komi NC UrO RAN, 2015. 244 s. (In Russian).
6. Bogoslovskij S. *Problema truda v lesnom hozjajstve* [The problem of labor in forestry] // Lesnoe hozjajstvo. 1929. № 7. S. 18–32. (In Russian).
7. Bushmanov V.K. *Ispytanie vremenem* [The test of time]. Perm': Knizhnoe izd-vo, 1981. 157 s. (In Russian).
8. Buharova E.A., Nendza-Schikoniovska K. *Igarka Ivana Leonidova — arhitekturnyj eksperiment 1920-h (gorod-linija) i predoschuschenie planetarnogo mifa 1950-h (gorod Solnca)* [Igarka by Ivan Leonidov — an architectural experiment of the 1920s (city-line) and a premonition of the planetary myth of the 1950s (city of the Sun)] // Balandinskie chtenija. 2015. T. 10, № 2. S. 116–124. (In Russian).
9. *Bjulleten' Narodnogo komissariata lesnoy promyshlennosti SSSR* [Bulletin of the People's Commissariat of Forestry of the USSR]. 1937. № 26. 8 s. (In Russian).
10. *Bjulleten' Narodnogo komissariata lesnoy promyshlennosti SSSR* [Bulletin of the People's Commissariat of Forestry of the USSR]. 1937. № 27. 8 s. (In Russian).
11. Valkin N.K. *Kak my stroim doma v lesu* [How we build houses in the forest] // Stakhanovec lesnoy promyshlennosti. 1937. № 9. S. 15. (In Russian).
12. Voejkov E.V. *Zhilischnaja problema na lesozagotovkah nacional'nyh respublik Povolzh'ja v gody predvoennoj industrializacii* [The housing problem in the logging operations of the national republics of the Volga region during the years of pre-war industrialization] // Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordovija. 2024. T. 16, № 2. S. 69–81. (In Russian).
13. Gerbek G.G. *Lesnaja promyshlennost' S.-A. S. SH* [Forestry industry S.-A. S. S.]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe nauchno-tehnicheskoe izd-vo, 1931. 151 s. (In Russian).

14. Ginzburg M.JA. *Zhilische. Opyt pjatiletnej raboty nad problemoj zhilischa* [The dwelling. Five years of experience working on the housing problem]. Moscow: Gosstrojizdat, 1934. 191 s. (In Russian).
15. *Gosudarstvennyy arhiv Krasnojarskogo kraja* [The State Archive of the Krasnoyarsk Kray]. F. R-1042. Op. 1. D. 2.
16. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federacii [The State Archive of the Russian Federation]. F. A-259. Op. 38. D. 538.
17. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federacii [The State Archive of the Russian Federation]. F. R5446. Op. 23. D. 1303.
18. Davidan A.G. *Tempov ne sdadim* [We won't give up the pace] // Stahanovec lesnoy promyshlennosti. 1937. № 1. S. 4–5. (In Russian).
19. Dement'ev D.A. *Opyt proektirovanija derevjannogo zhil'ja v SSSR* [The experience of designing wooden housing in the USSR] // Nauka, obrazovanie i eksperimental'noe proektirovanie. 2021. S. 326–331. (In Russian).
20. *Zhilische v Rossii: vek XX. Arhitektura i social'naja istorija* / red.-sost. U. Brumfild, B. Rubl [Housing in Russia: the XX century. Architecture and social history. Broomfield W., Ruble B., eds]. Moscow: Tri kvadrata, 2002. 192 s. (In Russian).
21. Zykin I.V. *Sociokul'turnyj oblik rabotnikov lesopromyshlennogo kompleksa Sovetskogo Sojuza v konce 1929 g. — pervoj polovine 1941 g.* [The socio-cultural appearance of the workers of the timber industry complex of the Soviet Union in late 1929 — the first half of 1941]. Moscow: Novyj Hronograf, 2022. 432 s. (In Russian).
22. Ignatova N.M., Obedkov A.P., Vishnjakova D.V., Silin V.I., Lytkina U.V. *Formirovanie i razvitie sistemy rasselenija v Respublike Komi v konce XVIII — nachale HHI v.: istoriko-demograficheskie i istoriko-geograficheskie issledovanija Rossiyskogo Severa: nauchnaja monografija. Vyp. 2* [Formation and development of the settlement system in the Komi Republic at the end of the XVIII — beginning of the XXI century: historical, demographic, historical and geographical studies of the Russian North: a scientific monograph. Issue 2]. Syktyvkar: FIC Komi NC UrO RAN, 2024. 234 s. (In Russian).
23. Ignatova N.M. *Spec(trud)poselki kak naselennye punkty v 1930-e gody (na materialah Respubliki Komi)* [Special (work) settlements as settlements in the 1930s (based on materials from the Komi Republic)] // Izvestija Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk. Serija «Istoricheskaja demografija». 2023. № 7 (65). S. 52–60. (In Russian).
24. Isaev V.I. *Byt rabochih Sibiri. 1926–1937 gg.* [The life of Siberian workers. 1926–1937]. Novosibirsk: Nauka, 1988. 241 s. (In Russian).
25. *Istorija stalinskogo Gulaga. Konec 1920-h — pervaja polovina 1950-h godov: Sobranie dok. v 7-mi tomah. T. 5. Specpereselency v SSSR* / otv. red. i sost. T.V. Carevskaja-Djakina [The history of Stalin's Gulag. The end of the 1920s — the first half of the 1950s: A collection of documents in 7 volumes. Vol. 5. Special settlers in the USSR. Carevskaja-Djakina T. V., ed.]. Moscow: ROSSPEN, 2004. 824 s. (In Russian).
26. Kilin JU.M. *Pogranichnaja okraina velikoy derzhavy: Sovetskaja Karelija v 1923–1938 gg.* [The Border Outskirts of a Great Power: Soviet Karelia in 1923–1938]. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2012. 143 s. (In Russian).
27. Mazur L.N. *Kraj ssylki: osobennosti formirovanija i razvitija sistemy rasselenija na Urale v 1930–1950-e gg.* [The edge of exile: features of the formation and development of the settlement system in the Urals in the 1930s and 1950s] // Dokument. Arhiv. Istorija. Sovremennost'. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. S. 176–208. (In Russian).
28. Mazur L.N. *Sever Sverdlovskoj oblasti v XX veke: modeli razvitija sistemy rasselenija* [The North of the Sverdlovsk oblast in the XX century: models of the development of the settlement system] // Materialy Pervoj regional'noj kraevedcheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Pohodjashinskie chtenija». Ekaterinburg, 2005. S. 72–89. (In Russian).
29. Meerovich M.G. *Nakazanie zhilischem: zhilischnaja politika v SSSR kak sredstvo upravlenija ljud'mi (1917–1937 gody)* [Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of managing people (1917–1937)]. Moscow: ROSSPEN; Fond Pervogo Prezidenta Rossii B.N. El'cina, 2008. 303 s. (In Russian).

30. Meerovich M., Bulgakova E. *Baraki kak naibolee massovyj tip zhilisch v sovetskih industrial'nyh gorodah-novostrojkah pervyh pjatiletok* [Barracks as the most widespread type of housing in Soviet industrial cities-new buildings of the first five-year plans] // Proekt Bajkal. 2019. № 60. S. 76–89. (In Russian).
31. Miljutin N.A. *Problema stroitel'stva socialisticheskih gorodov. Osnovnye voprosy racional'noj planirovki i stroitel'stva naselennyh mest SSSR* [The problem of building socialist cities. The main issues of rational planning and construction of populated areas of the USSR]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izd-vo, 1930. 82 s. (In Russian).
32. Nikitina T.A., Barashkov JU.A. *Zhilischnyj krizis na Arhangel'skom Severe na primere Mezenskih lesozavodov (1920–1937 gg.)* [Housing crisis in the Arkhangelsk North on the example of the Mezen timber mills (1920–1937)] // Zhilischnye strategii. 2018. T. 5, № 1. S. 65–78. (In Russian).
33. *Objavlenie* [Advertisement] // Tihookeanskaja zvezda. 1930, 18 janvarja. S. 4. (In Russian).
34. Popov K. *V novom dome Kirlesa* [In Kirles' new house] // Lesnaja promyshlennost'. 1935, 9 avgusta. S. 3. (In Russian).
35. *Postojannye kadry lesnyh rabochih* [Permanent staff of forest workers] // Pravda Severa. 1937, 2 avgusta. S. 1. (In Russian).
36. *Rezoljucii soveschanija direktorov lespromhozov i lestranshozov Severnogo kraja 1–5 avgusta 1934 goda* [Resolutions of the meeting of directors of lespromhoz and lestranshoz of the Northern Territory on August 1–5, 1934]. Arhangel'sk: Izdanie Upolnarkomlesa, 1934. 26 s. (In Russian).
37. Rosljakov *Vzamen lesnoy izbushki — perenosnoy barak* [Instead of a forest hut, a portable barracks] // Lesovod. 1929. № 10–11. S. 48–49. (In Russian).
38. Sabsovich L.M. *Socialisticheskie goroda* [Socialist cities]. Moscow: Moskovskij rabochij, 1930. 124 s. (In Russian).
39. *Smeta po ukrupnennym izmeriteljam na rabochuju silu i materialy na postroyku derevjannogo rublennogo 2-kvartirnogo doma dlja ITR i rabochih stahanovcev, soglasno tipovogo proekta № 065* [Estimate for enlarged meters for labor and materials for the construction of a wooden log 2-apartment house for engineering and technical workers and Stakhanov workers, according to standard project no. 065]. Moscow, 1936. 6 s. (In Russian).
40. *Sovetskaja lesnaja ekonomika. Moskva-Sever. 1917–1941 gg.: Sb. dok. i mat.* / sost. V.G. Makurov, A.T. Filatova [The Soviet forest economy. Moscow is the North. 1917–1941: Collection of documents and materials. Makurov V.G., Filatova A.T., compilers]. Petrozavodsk, 2005. 442 s. (In Russian).
41. SSSR na stroyke [The USSR at the construction site]. 1931. № 6. (In Russian).
42. Suslov A.B. *Speckontingent v Permskoj oblasti (1929–1953 gg.)* [Special contingent in the Perm oblast (1929–1953)]. Moscow: ROSSPEN; Fond «Prezidentskij centr B.N. El'cina», 2010. 424 s. (In Russian).
43. Takala I. *Severoamerikanskie finny v dovoennoy Karelii* [North American Finns in pre-war Karelia] // Ustnaja istorija v Karelii: Sb. nauch. stat. i istochnikov. Vyp. II. Severoamerikanskie finny v Sovetskoy Karelii 1930-h godov / sost. i nauch. red. I.R. Takala, A.V. Golubev. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2007. S. 32–51. (In Russian).
44. Filimonchik S.N. *Stroitel'naja otrasl' Karelii v period forsirovannoy industrializacii* [Karelia's construction industry during the period of accelerated industrialization] // Sibirskie stroiteli: sobytija i sud'by: Sb. st. vserossiyskoy nauch. konf. Kurgan: Kurganskiy Dom pechati, 2017. S. 442–454. (In Russian).
45. Fleyshic E.A. *Pravovaja organizacija lesnoy promyshlennosti Sojuza SSR* [The legal organization of the forest industry of the USSR]. Leningrad: Goslestehizdat, 1936. 99 s. (In Russian).
46. Hmel'nickij D. *Zdorov'e barachnogo goroda* [The health of barrack town] // Proekt Bajkal. 2019. № 60. S. 70–75. (In Russian).
47. *Hozjaystvennoe i kul'turnoe stroitel'stvo na Urale* [Economic and cultural construction in the Urals]. Sverdlovsk: Izdanie Uralplana, 1934. 209 s. (In Russian).
48. Jahkind S.I. *Normy dlja zhilischa perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 godov* [Standards for housing during the Great Patriotic War of 1941–1945] // Academia. Arhitektura i stroitel'stvo. 2024. № 3. S. 26–36. (In Russian).
49. Jaschenko G.E. *Zabotit'sja o kadrah* [Take care of the staff] // Stahanovec lesnoy promyshlennosti. 1937. № 2. S. 42. (In Russian).